

Михаил
ЗАРУБИН

г. Санкт-Петербург

ДЕЛЯНКА РЫЖИКОВ

рассказ

После тёплых июльских дождей, пронизанных солнечными лучами, пошли грибы. Они друг за другом вылезали из моховых норок, как будто услышали зов небес, сообщавших, что пришла грибная пора и самое время явить людям чудеса земли. Да и как ей не похвастаться, как не полюбоваться своим детищем! Нелёгкий для природы труд – вынaczyć, вырастить, сберечь от непогод такое чудо, как гриб. Поныне идут споры о таинственной сущности этих удивительных то ли растений, то ли существ.

Лес, обнимавший зелёным кольцом деревню, превратился прямо-таки в кладовую. И Мишка каждое утро уходил за грибами, словно на работу. С вечера заготавливает закусочку – складывает рядком: хлеб, огурец, яйцо, лук, – в маленькую солонку бережно насыпает соль. Утром, не проливая ни капельки, наливает в бутылку молока, принесённого из холодного погреба, и с первыми солнечными лучами отправляется в лес.

Около просеки его уже ждут друзья-приятели. Мальчишки с закинутыми за спину турсуками¹, поёживаясь от утреннего холодка, входят в лес, как в воды степенной реки. Лес чистенький: нет ни завалов, ни корневищ, весь валежник убран и свезён на дрова.

Птицы гулко распевают ещё по-летнему оптимистичные песни, как будто радуются, что утренний дождик их умыл и они прочистили свои горлышки.

В первые дни ребята собирали всё: в турсуках теснились маслята, волнушки, подберёзовики. Но это – грибы для жарёхи. А в начале августа встречаются величавые белые грузди, облепленные для маскировки палыми листьями, а ещё акварельные рыжики. Грибам этим цены нет, в каждом деревенском доме их запасали на зиму – на праздник и на чёрный день.

«Рыжики и грузди, солёные огурчики и квашеная капуста... Да если урожай на картошку получится, значит, доживём до весны», – сладко, с радостной улыбкой, бывало, говорила Мишкина мама.

¹ Турсук – здесь: берестяной короб (*сибирск.*)

За грибами Мишка ходил с палочкой. Он выбирал её в лесу, ошкуривал острым ножом-складнем. Это была не подпорка, а «народный грибоискатель» — дополнительный глаз, третья рука. К каждой кучке выпуклого мха не надо нагибаться. Увидел под кустиком кочку, разрыл её палочкой — вот и гриб открылся. Тогда уж и на колени встать не зазорно, срезать бережно, с любовью положить в турсук. А грузди — хитрые грибы, растут семьями: нашёл один — ищи вокруг, всегда сыщешь ещё с десяток спрятавшихся. И здесь палочка — незаменимая помощница.

Когда грузди и рыжики уже укоренились, разрослись их дружные семьи, в лес на заготовки, как водится, шли взрослые сельчане. Некоторые всем домом отправлялись на грибную охоту. Турсуки — за спинами, вёдра — в руках. Пустела золотая кладовая после таких походов, затихал лес, глядя на вывороченный мох, на грибные очистки, оставленные ловкими грибниками. Обиженно меркла красота.

В те дни Мишка, исхаживавший километры, возвращался домой уставший, а грибов — только дно турсука едва закрыто.

В один из вечеров он горько жаловался матери:

— Как Мамай по лесу прошёл! Всё вытоптали и выломали вместе с грибницами. Кажется, все грибы закончились, а у нас в кадлушке чуть-чуть засолено.

— Ох, ты мой помощничек, — Анна ласково пригладила вихры на Мишкиной голове.

Он вывернулся от маминых ласк и, насупив брови, по-взрослому сказал:

— Ну какие уж тут нежности! Заготовка идёт на зиму, а у меня ничего не получается! Вот у Анисимовых уже десятиведерная кадлушка засолена...

Мать рассмеялась. Сын с удивлением посмотрел на неё, не понимая причину для радости.

— Ты уж прости меня, Мишенька. Это я радуюсь, что ты у меня такой хозяйственный, ответственный. Не забывай, что у Анисимовых семья — двенадцать человек, потому и заготавливать надо больше.

— Да они, мама, всей семьёй и ходят. Идут по лесу цепью — ни одного гриба не пропускают.

Анна понимающе покачала головой:

— Так им семьёй ходить можно: есть время. Отец милиционером работает, мать — по дому с детьми, колхозными делами не заморачивается. Да и ртов полон дом, такую ораву прокормить — много чего надо.

— Не только они ходят, — заметил Мишка, — уже в лесу до самой Кулиги и Малой речки всё чисто.

Мать с сыном замолчали, оценивая каждый по-своему сложившуюся ситуацию.

— Знаешь, Миша, я постараюсь договориться, чтобы меня Марья подстраховала с вечерней дойкой, и пойдём в воскресенье мы с тобой за грибами, — вдруг решительно сказала мать.

— Правда, что ли, мама?! — воскликнул обрадованный Мишка

— Правда-правда. И пойдём мы далеко, за Малую речку, к Рассохе.

— Вот здорово! — у Мишки даже слёзы радости брызнули из глаз.

— Здорово, конечно, и мне ведь хочется по лесу побродить, — призналась мать.

После утренней дойки, в воскресенье, Мишка с матерью пошли за грибами. Турсуки — за спинами, позвякивает походный котелок, привязанный к Мишкиным вещам, — это для того, чтобы чайку вскипятить. Еда тоже обычная, походная.

До Кулиги в лес не заходили, шли по дороге, вдоль поля. День обещал быть солнечным, погода обнадёживала. Дорога была податливой, мечты — лёгкими, как облака, сопровождавшие путников в далёкие края.

Мишка заметил, как много стало жёлтых листочков на берёзах, но от этого наблюдения грустно ему не сделалось. Шли долго, молча, вдыхая сложный, насыщенный, как чай, аромат благоухающих трав.

У Кулиги остановились. Место для отдыха было приготовлено заботливыми первоходцами давно: напиленные чурбаки, сколоченный стол, кострище. Вокруг, защищая от ветра, толпились могучие, закалённые непо-

годами ели, пониже — ольховые кусты обступили ещё не созревший брусничник. Ягодки, наливающиеся соком цвета зари, красовались на фоне изумрудного мха. Как, откуда они набирают ту жизненную силу, которую потом отдают людям?..

Справа на опушке грозными исполинами стояли особо высокие сосны. Они как будто предупреждали людей: «Мы даруем вам свои богатства, и вы будьте милостивы к природе».

А вспаханное в сторонке поле словно показывало изнанку великой картины природы — непостижимую в своей щедрости плоть земли. Поле обрывалось крутым угором, и уже вдоль другого берега виднелась светлая гладь реки.

А за полем, за рекой, сказочной горой высилась Качинская сопка с примыкающим к ней Шальновским хребтом. Они были, казалось, театральным занавесом солнечной сказки, за который в конце дня уходит уставшее светило. И они же — вернее, их совокупная тень, — становились тем таинственным серо-синим покровом, который летней ночью укрывал всё окрест на недолгие часы.

Мишка, мечтательно глядя на сопку, спросил:

— Мама, а ты была на вершине?

— На какой вершине?

— На Качинской сопке.

— Чего я там забыла-то?.. — безразлично ответила мать.

— Как — чего? Оттуда всё видно.

— Она высокая. Конечно, всё видно, — согласилась Анна.

— Вот перейду в седьмой класс — пойду в поход на вершину, — твёрдо сказал Мишка.

— А что, раньше не берут? — улыбнулась ему мать.

— Не берут.

— Ну тогда вставай, сынок, нам немного осталось идти, с километр, пожалуй.

Сидевший на чурбаке Мишка вскочил, неловко забрасывая турсук за спину.

— Да ты не гонись! Всё надо делать без спеха, — поправляя лямки на спине сына, напутствовала мать.

— Мама, как же без спеха?! Уже солнце поднялось эвон куда... — Мишка махнул рукой.

Они вышли на неширокую дорогу, утоптанную скотом; она вела вдоль изгороди, отделявшей сосновый бор от колхозных полей.

За Кулигой, ближе к болоту, колючей стеной стоял ельник. Однако мать не пошла к нему.

— Пойдём, Миша, дальше. Перейдём Малую речку, а там моя делянка есть.

— Какая делянка, мама? — озадачился тот. — Ты что, там грибы садила?

— Самая настоящая, — загадочно улыбалась мать. — Грибы не садила, но каждый раз, когда я бываю там, всегда набираю и грибов, и ягод.

— А я почему её не знаю?

— Давненько я не была там. Последний раз лет пять назад сюда заходила. Ты тогда ещё в детсад ходил да под стол помещался во весь рост, — светло усмехнулась мать.

— Мама, а кто про эту делянку знает? — любопытствовал Мишка.

— Кто... Отец знал... Твои сестрички знали... бегали сюда, пока замуж не вышли и не уехали.

— А деревенские?

— Ну откуда мне знать-то! — покачала головой мать. — Да и таблички на том месте нет, что она наша и другим вход запрещен. Кто наткнётся — тот и соберёт урожай.

— Да, может, кто-то уже там побывал, — разочарованно ответил Мишка.

— Не горюй, сынок, — ободрила мать, — всем хватит! Место хорошее, урожайное.

И они осторожно прошли по деревянному мосточку через речку, которая бурлила полным водным потоком, неся тёмную, будто газированную, водицу к большой реке.

— Эка как от дождей Малую разнесло!.. На лодке можно плыть, — на манер бывалого моряка сказал Мишка. — В июне сюда коров с Женькой-кондитером гоняли — перепрыгнуть можно было.

— В воде таится сила огромная! Любую гору свернёт, даже свет из неё можно высечь, — с восторгом произнесла Анна, любуясь рекой. — Посмотри, Миш, вода-то какая чёрная, видимо, болото переполнилось.

— Наверно, мама, — кивнул сын.

Они прошли ещё немного.

Тут мать резко, словно вспомнив о чём-то, остановилась у поваленного дерева. Ветер вывернул его с корнями давным-давно: это было ясно по коре, покрытой слоем мха. Возле самого корневища мать бережно расчистила ладонью небольшую поверхность. Мишка увидел проступившие подо мхом буквы: «А + К».

— О, здорово, какая древность! — воскликнул он. — А кто эти «А» и «К»?

— Догадайся, сынок.

— Мама, это ты ведь! — осенило Мишку. — «А» — это Анна. А «К» — неужели отец?

— Видишь, как быстро угадал... Да, это отец вырезал. Тебя тогда ещё на белом свете не было. Действительно, древность, — то ли с сожалением, то ли с обидой на жизнь дрогнувшим голосом согласилась Анна

Наступила звенящая тишина. Мишка даже оглянулся. В упор на него глядели молодые берёзки — тоненькие, с мелкими листочками на редких ветвях. И островерхие тёмно-зелёные ели, и лиственницы с яркой хвоей фисташкового цвета — все, казалось Мишке, смотрели на него, словно ждали чего-то... Может, какого-то подвига?.. А может, лес хотел расстаться со своими богатствами, но отдать решил их душе юной, не алчной, осенённой материнской и отцовской любовью?..

— Ну-ка, подожди немного, Миша, — нарушила тишину мама. — Попробую найти палки... Должны быть у корневища во мху... Когда была здесь в последний раз, оставила... Вот же они, здесь! Никто не тронул, — по-детски обрадовалась Анна.

Она бережно вытащила палку, поросшую мхом.

— Сгнила, наверное, мама? — разглядывал находку Мишка.

— Сейчас узнаем. — Анна ударила палкой о ствол высокого дерева — та переломилась. — Сгнила. Ещё бы не сгнить... Времени-то сколько прошло!.. Найди, сынок, две палочки посуше — полегче чтобы были.

Мишка хотел выполнить задание наилучшим образом, потому стал искать не у тропы, а зашёл в березняк, потом — до ельника. Плот-

ные ветки взъерошенных неопрятных елей не пропускали солнечные лучи, и у земли было прохладно, сумрачно.

Срезав верхушки у двух засохших ёлочек, Мишка вернулся к матери. Очищая палки от сучков и мшистой коры, спросил:

— А где мы заходить будем и куда пойдём?

— Здесь и зайдём, — ответила мать, — в этом еловом лесу ходить будем. И обратно домой отсюда пойдём.

— Сбирать все грибы будем или только рыжики и грузди?

— Вот тут ельник, значит, должны нас ждать рыжики, — толковала Анна. Мишка, не отрываясь от своего занятия, слушал. — Но уж если их не встретим, тогда всё подметать станем. Ходить-то будем поблизости, так что давай мне котелок — я в него еду положу, припрячу вот здесь, у нашего дерева. Это чтобы лишняя тяжесть не изнуряла.

— Нет, — мотнул головой Мишка, — мама, давай я всё-таки котелок с едой с собой возьму. А то ведь собака может пробежать, а то и лиса — съедят наши припасы и нам ничего не оставят.

— Как хочешь, Миша, — согласилась Анна. — Бери котелок с собой — я ведь не против. А устанешь — помогу.

— Я его на поясок к себе приспособлю. И плечи не потянет, и не тяжело будет. — Мишка стал привязывать котелок. Потом подёргал его, проверяя прочность. — Ой, мама! — вдруг вскрикнул он.

— Что такое, сынок? — испугалась Анна.

— Авария! Резинка в трусах лопнула.

— Шнур у меня есть. Сейчас поправлю твою аварию. Скидывай трусы, — заулыбавшись, скомандовала мать. Она выдернула из трусов порванную резинку, потянула её, но та опять оборвалась. — Да, отжила своё резиночка. Ну, ничего, я сейчас шнурок туда вдену. У меня и булабочка в запасе есть! Вот, теперь нормально, — Анна ещё раз проверила на прочность выполненную работу. — До дома доживёшь, а там новую резинку вденем. Смотри, если туговато — шнурок ослабь. Удержатся — штанами всё прикрыто.

Мишка по-быстрому натянул все одёжки на себя.

— Нормально, мама, пошли в лес, а то день закончится, — серьёзно так, по-взрослому, сказал он.

Но Анна не спешила. Блаженно вздохнув, она огляделась, запрокинула голову и залюбовалась родными местами. Подёргала за еловую лапу — как знакомую поприветствовала. Обняла тоненькую берёзку, прижалась щекой к её шёлковой коже и постояла так, словно в забыты.

Мишка не стал ждать — первым пошагал в лес.

Анна его догоняла.

В цепкий ельник они вошли вместе. Ковёр из мха пружинил под ногами, идти было трудно. Даже в середине лета почва в этом полусонном царстве прогревалась по-разному. Оттого и воздух слоился: в одном месте был тёплый, а два-три шага в сторону — холодный.

— Это и есть твоя делянка? — неодобрительно спросил Мишка, показывая матери на связанные густой паутиной ели.

— Потерпи, сынок, сейчас она откроется, — пообещала Анна. — Ведь рыжик тепло любит, хорошо растёт в молодом сосняке, да мох ему подавай.

Грибники прошли словно через плотный заплот, состоящий из ельника. Теперь перед ними открылась поляна, заросшая невысокими, задорно кучерявыми сосенками. Анна подошла к одной, прижалась к ней и поцеловала золотистый смоляной ствол:

— Ну, милая, выросла-то как! Уж меня выше стала. Здравствуй, родная, вот и встретились. Я не одна, с сыном к тебе пришла в гости.

— Мама, ты чего это?.. Уж и с соснами разговариваешь... — удивлённо и сочувственно спросил Мишка.

— Да она всё слышит и понимает, — мать ласково провела ладонью по стволу.

Мишка неодобрительно вздохнул:

— Ну как сосна может понимать? — уже с иронией парировал он.

— Так же, как и ты, милый мой, — невозмутимо ответила Анна и замолчала.

Здесь, в подножиях сосен, семеек рыжиков было, как в сказке, видимо-невидимо. Разместились они на моховых подушечках, ютились и на маленьких лужайках — нежились в объятиях летнего дня, богатого на солнечные лучи.

Мишка, как маленький мужичок, деловито поставил турсук на землю, вытащил из него складешок и наклонился к первому грибу, — ярко-оранжевому, с пятнистой шляпкой.

— Миша, я прошу тебя, большие рыжики не срежай. Выбирай молодые грибочки. Большие — старые и обычно червивые, а молодые солятся хорошо. Они очень вкусные, — облизнув губы, напомнила мать. — Да с волнушками не перепутай!

— Я что, впервые грибы ломаю!.. — важно ответил сын и нетерпеливо набросился на добычу. У него дух захватывало от радости: здесь, на маминой делянке, столько рыжиков!.. Как будто чья-то неведомая рука насыпала их здесь только для них — Анны и Мишки, матери и сына, беззащитных, заброшенных судьбой в таёжные края.

Мишкины глаза уже цепко высматривали белёсый мох, находили едва заметный бугорок. Палочкой расширял он прикрытие, аккуратно помогал пальцами, и вот очередной дар — семейка маленьких рыжиков.

Но волнушки отвлекали его взгляд, уж больно были хороши: лилейно-розовые, с загнутой книзу кисейной бахромой. Настоящие лесные балеринки! Они являли свою красоту миру, требовали восхищения и не прятались, как рыжики.

— Миша, не бегай по делянке! А то не ровен час потопчешь грибы! — окрикнула мать. — Ходить надо аккуратно, они тут на каждом шагу.

— Хорошо, мама, хорошо. — Мишка теперь топтался на месте, опасаясь и шаг сделать не глядя. — Я и так уже боюсь наступать, рыжиков тут мерено-немерено. Вот смотрю, только они какие-то разные встречаются...

— Как так — разные? — мать разогнула спину, поднимая с мохового ложа гриб.

А Миша протянул ей ещё один:

— На вот, посмотри.

Анна подошла к сыну.

– Да, вижу. Это рыжик еловый, поэтому покрывается зелёными пятнами. Место среза тоже быстро становится зелёным.

– Зелень на грибе – это плохо, мама?

– Плохо, но только не у рыжика, – успокоила Анна. – Твой отец говорил, что это сок, в котором медь содержится, поэтому он зеленеет на воздухе.

Мишка удивлённо округлил глаза:

– Медь?.. Откуда она там?

– Я не знаю, – сухо ответила Анна, но тон её говорил об обратном: как будто знала и об этом, и обо всём том, о чём и говорить нельзя.

Не успело солнце подняться над горизонтом, а все взятые под грибы ёмкости уже были полнёшеньки отборных рыжиков.

День выдался особенно щедрым на тепло: Мишка в куртке разжарился и вспотел.

– Мама, я сниму куртку?

– Да, действительно, жарко стало. Сними, сынок. Подойди ко мне, я заправлю рубашку в штаны.

Мишку посетила идея:

– Мама, а давай наберём рыжиков в котелок и в куртку?

Анна рассмеялась:

– Хозяин ты мой родной, не надо жадничать! Это бы добро донести. Ведь у меня турсук трёхведерный, а у тебя два ведра за плечами будет. Даст бог, ещё придём сюда.

– А вдруг другие всё соберут до того, как вернёмся, – Мишка не унимался, пока мать заправляла рубашку ему в штаны.

– Не жалея и не жадничая, родненька, – учила уму-разуму мать. – Каждому человеку своё отмерено: ни больше ни меньше урвать ему не удастся. Как будто кто-то нам всем отмеряет по нашим добродетелям. Ты у меня добрый мальчик, вот тебе и достался сегодня завидный дар. Радуйся, благодари природу. Пойдём лучше к реке, отдохнём, чай вскипятим, поедим... Да и домой надо собираться...

С тяжёлой, но не тянущей поклажей мать и сын вышли к реке.

Река открылась им так же неожиданно, как недавно раздолье рыжиков. Широкий и воль-

ный поток плавно нёс громаду воды. Берег круто обрывался, и они не сразу нашли спуск. Расположились у небольшой песчаной отмели. Здесь берег мыском входил в реку.

На их счастье, тут остались следы от костра с куском сухой берёзовой коры, а главное – таганок стоял в целости и сохранности.

– Видишь, как удачно. Да что нам с тобой ещё надо для полного счастья, сынок!..

– Костёр развести и чайник вскипятить! – взволнованный радостью от удачной грибной охоты, подсказал Мишка.

Мать велела:

– Ну-ка, поищи сухих хворостин. Пары штук хватит, мы ведь не целый котелок кипятить будем.

Сухие сучья загорелись сразу. Мать набрала в котелок воды, нацепила его на закопченную берёзовую рогульку. Не торопясь нарезала хлеба, достала припасы, разложила их на белоснежном вафельном полотенце, которое как-то чудом оказалось у неё.

К тому времени вода в котелке закипела, Анна заправила её смородиновыми листьями, которые сорвала по дороге, и прикрыла Мишкиной курткой.

Сын восхищённо смотрел на мать как на волшебницу.

– Что, есть захотел? – заметив его взгляд, с улыбкой спросила она. – Сейчас, сынок, всё будет готово. А ты яйца начинай чистить, да посолить не забудь. Соль не экономь, мы сегодня заслужили вкусный обед.

Еда закончилась быстро. Остался только «чай» – хотя на настоящий чай он походил мало. Мать медленно маленькими глоточками пила этот отвар, причём с таким удовольствием, с такой изысканной грацией, что казалось, это был заморский сказочный напиток.

Мишке пить этот «чай» впустую не хотелось. Полюбовавшись матерью, он встал с чурбака, снял ичиги² и пошёл к реке.

Вода лизала песчаный берег и его ступни, она была на диво тёплой. Даже не верилось, что это вода той самой реки, необузданной

² Ичиги – кожаные сапоги

мощью которой они недавно восхищались.

— Мама, можно я искупаюсь? — крикнул Мишка.

— Да берег уж больно не ласков! Да и река в этом месте незнакомая, — ответила мать, перебивая шум реки.

— Чего её знать! Река — это ведь вода. А вода — это жизнь, — важно рассуждал насуспенный Мишка.

— Не скажи. Река — это и путь, и труд, и даже смерть, — поправила его мать.

— Я ведь плавать не буду. Здесь окунусь — и всё, — настаивал сын.

И Анна уступила:

— Здесь на моих глазах можно, Миша. Только не дальше.

— Я же не маленький, с ребятами эту же реку у нашей деревни переплывали.

— То с ребятами. Будь осторожен, — наставляла Анна.

Кивнув, Мишка побрёл выискивать место поглубже. Песок под ногами был зыбучий, поставишь ногу — подводный песчаный вихрь осаживает её, засыпает — и приподнять для следующего шага уже тяжело.

Зайдя в воду, Мишка опрокинулся на спину и, подгребая руками и чуть отталкиваясь ногами, поплыл. Небеса поглотили его взгляд, завораживали медленно плывущие облака, убаюкивали птицы, щебечущие в прибрежном ивняке, тёплое течение укачивало. Время остановилось.

Вдруг Мишка очнулся от осознания того, что мыска, где осталась мать, не видно. Он попытался плыть к берегу, течение не позволяет — сносит на глубину. Мишка понял, что оно сильнее его. Попытался встать на ноги, а дна не достать.

Страшно не было, просто не верилось, что в этот прекрасный день может случиться что-нибудь плохое. Больше всего Мишку беспокоила мысль, что будет ругаться мама. Мысль о матери наполнила глаза слезами.

Мальчик вновь попытался достать до дна, надеясь оттолкнуться и получить импульс, но не получилось. К его ужасу, он зацепился за что-то шнурком, заменившим в трусах резинку. Мишка попытался оторваться, стал дёр-

гаться во все стороны, но это ни к чему не привело — только силы терял. Он пытался освободиться от зацепа, шаря за спиной руками, но при этом сразу уходил под воду. Паника охватила его: а вдруг утонет. Ничего не соображая, Мишка наглотался воды. Он ещё пытался кричать, но взхлёб — и крика не получалось. Что-то тянуло его вниз, оно двигалось вместе с Мишкой, а отцепиться от него не хотело.

При очередном рывке, вынырнув, мальчик с криком выдохнул остаток воздуха — жалобный зов пронёсся над водой:

— Мама-а-а-а!!! — и вновь Мишка ушёл под воду, глотая её в немереных количествах.

Мать, обеспокоенная длительным отсутствием сына, подошла к воде, чтобы посмотреть, где он. В это время она не то чтобы расслышала, скорее уловила, почувствовала сердцем вялый крик, похожий на стон.

Анна бросилась в воду мгновенно. Наткнувшись подошвой на острый камень, распоролла ногу. Не обращая внимания на боль, пронзившую всё тело, с криком, в несколько гребков, она оказалась рядом с сыном, потерявшим последние силы. Вода стала заполнять его легкие — тело затыгивало ко дну.

Мать нырнула, не столько разглядела, сколько нащупала Мишку. Крепко схватив его за волосы, потащила наверх. Однако сил вытащить на поверхность у нее не хватало. Обхватив одной рукой за плечи, она изо всех сил рванулась наверх вместе с ним, тут же почувствовала, что какая-то сила удерживает Мишку.

Ещё раз нырнув, Анна разглядела корявую озлившуюся ветку дерева, зацепившуюся как крючком за шнурок Мишкиных трусов. «Топляк», — промелькнуло в голове Анны. Поднырнув под сына так, что он оказался у неё на плечах, делая невероятные усилия руками и ногами, потащила его вместе с тяжёлым прицепом на себе. Ноги её путались в ветках топляка, царапавших до крови. На её счастье, омут был небольшой, ещё чуть-чуть — и она ощутила под ногами твёрдое дно.

Отцепив сына от зловещего дерева, с трудом дотащив мальчика до берега, Анна стала делать то, что принято делать, спасая утоплен-

ника: случилось на её глазах и такое. Но видеть — одно, сделать самой — другое. Анна согнула тело сына, околотила его по спине, потом, повернув его к себе, стала нажимать на грудную клетку. Увидела, как изо рта у того пошла вода. Мокрым подолом ситцевого платья отёрла лицо его от склизкой тины. Мишка зашевелился, начал дышать. Потом приоткрыл веки.

Теперь Анну покидали силы, ноги не держали, она упала на колени, но смогла подняться, когда заметила, что у сына начались рвотные спазмы и кашель. Взгляд его стал проясняться. Бледная, измождённая, с окровавленными ногами, мать упала на траву и завывала, когда сын посмотрел осмысленным взглядом вокруг себя.

Прикусив треснувшие губы, выла она громко — то ли от боли, то ли от горькой мысли, что считанные минуты назад могла потерять своего ребёнка. Этот вой был похож на звериный. Прорезая солнечно-воздушный сгусток августовского дня, пронёсся он над ивняком и осокой и слился с шумом могучей реки.

По Мишкиному лицу текли слёзы и сопли, он ещё плохо видел и туго соображал. Встав на колени перед матерью, всем телом он прижался к ней, вдыхал её родной запах и шептал:

— Мама... мама... мама... мамочка... Прости меня, я не хотел, — и плакал.

С крутого берега бесстрастные деревья с высоты своей безучастно наблюдали человеческую трагедию. И только юные берёзки, под ветром склоняясь друг к другу, перешептывались, дивясь увиденному.

А свидетели-облака поспешно покидали то место — улетали, подгоняемые небесными потоками. Да и чем они могли бы помочь? Только человек сильнее смерти. Только материнская любовь может поспорить и с мощью реки, и с бесовской силой коряги-топляка, и с неотвратимостью судьбы.

Михаил Константинович ЗАРУБИН

родился в 1946 г. в дер. Кеуль Иркутской области.

Работает в строительной отрасли

*(заслуженный строитель Российской Федерации,
почетный архитектор России).*

Прозаик, публицист.

Автор 22 книг, в том числе трёхтомного собрания сочинений.

Награждён многими медалями.

Лауреат литературных премий: «Имперская культура»,

им. А. Н. Толстого, им. Н. С. Лескова,

«Золотой Витязь» (бронзовый),

а также премии правительства Санкт-Петербурга.

Член Союза писателей России.

Живёт в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

